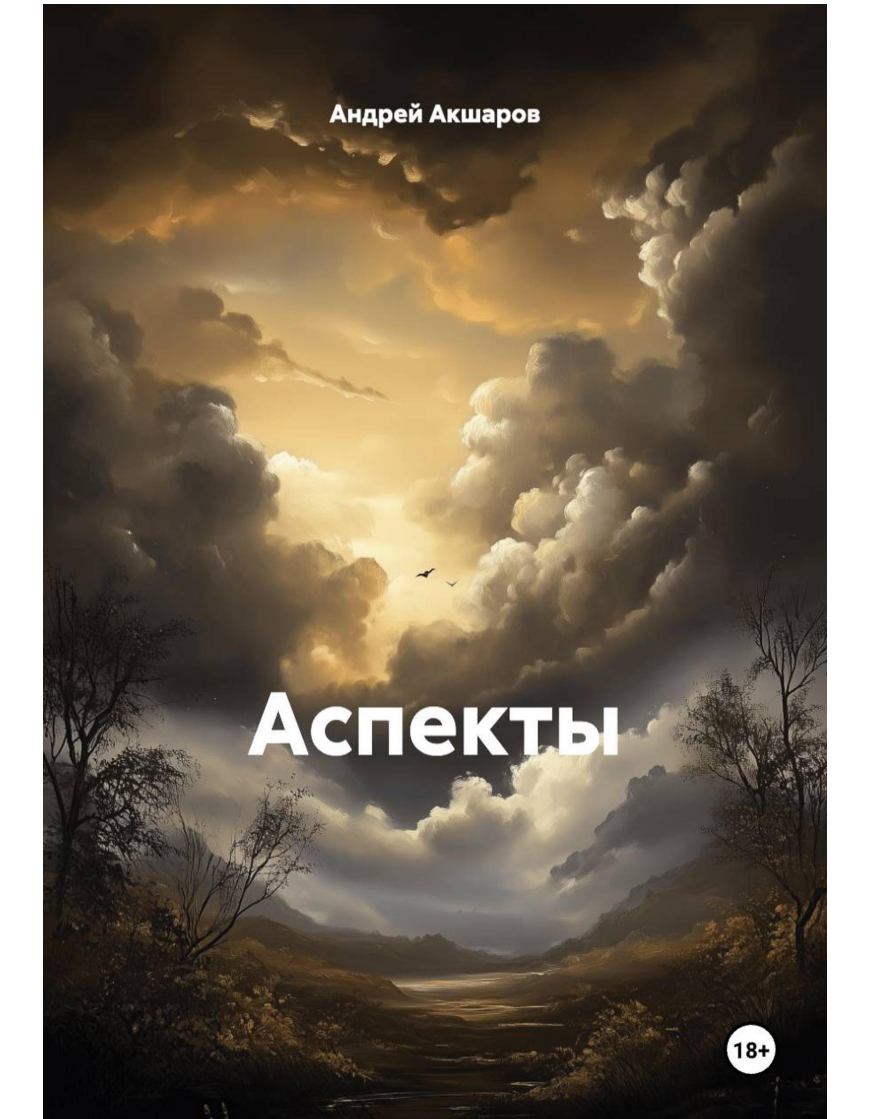

Андрей Акшаров

Аспекты

18+

Андрей Акшаров

Аспекты

<https://litres.ru/74234402>

SelfPub; 2026

Аннотация

Существуют разные виды магии:

Элементали — работают с одной стихией: огонь, вода, земля или воздух.

Менталисты — воздействуют на разум. Могут сбить концентрацию, вызвать страх, заставить замешкаться.

Мироты — общаются с животными либо с растениями.

Оборотни — самые редкие. Принимают звериный облик. В бою быстрее и сильнее.

Некроманты — работают с мёртвыми. Могут поднимать скелетов и трупы, упокаивать их, забирать остаточную энергию смерти. Энергия сохраняется несколько минут после гибели живого существа. Некроманты редки, и большинство орденов их преследует. Не потому, что они сильнее — потому что работа с мёртвыми считается грязной.

****Аспекты****

У каждого человека есть аспект — Тьма или Свет. Обычно он спит.

Особое зелье (тёмное или светлое) пробуждает аспект. Если выпить не своей волей — последствия страшны.

****Ордена****

Орден Шороха — тёмные маги. Варят тёмное зелье.

Орден Вспышки — светлые маги. Варят светлое зелье.

Оба ищут избранных — тех, в ком борются сразу два аспекта.

Содержание

Звериная ярость	5
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Андрей Акшаров

Аспекты

Звериная ярость

Глава 1.

Я открыл глаза.

Надо мной покачивались верхушки сосен, и где-то высоко-высоко в разрывах между ветвями серел холодный осенний небосвод. Первое, что я почувствовал — не страх, не удивление, а глухое, тянущее чувство пустоты внутри. Будто из меня вынули что-то важное, оставив только кости и кожу.

Вторым пришёл голод.

Острый, почти звериный голод, который скрутил желудок так, что я непроизвольно согнулся, втягивая холодный воздух. Лес пах прелыми листьями, сырой землёй и чем-то сладковато-горьким — может быть, грибами. Я лежал на боку, подштанники промокли насквозь, рубаха — из грубого, но добротного полотна — прилипла к спине.

Я ничего не помнил.

Ни имени. Ни того, как здесь оказался. Ни даже того, какой сейчас год или месяц. Только обрывки ощущений: ветер, чей-то голос, темнота. А теперь — деревья, тишина и этот

зверский голод.

С трудом поднявшись на ноги, я провел рукой по лицу. Пальцы нащупали жёсткую щетину — не брился дня три, не меньше. Одежда: простые штаны, заправленные в сапоги из тёмной кожи, рубаха, сверху — стёганный жилет без застёжек. На поясе пустые петли — там, где мог бы висеть нож или кошель. Но в кармане что-то было.

Я сунул руку в правый карман штанов и нащупал холодный металл. Три монеты. Две серебряные — с двуглавым орлом на одной стороне и цифрой «5» на другой. И одна золотая, потяжелее, с профилем человека в короне и непонятной вязью по краю. Кроме монет — маленький металлический значок, размером с ноготь большого пальца. Круглый, чуть поцарапанный. На лицевой стороне гравировка: «Игорь Крадов».

Игорь. Меня зовут Игорь.

Я повертел значок в пальцах. Имя ничего не сказало душе. Оно было как чужая надпись на чужой вещи. Но выбросить не поднялась рука — слишком тщательно вырезаны буквы, слишком плотно значок лежал в ладони. Сунул его обратно в карман.

Голод напомнил о себе новым спазмом. Я огляделся. Лес — не густой, больше сосны с редкими берёзами. Между стволами угадывалась тропа, а чуть дальше, сквозь ветви, — тёмная полоса, похожая на дым. Дорога или окраина жилья.

Не раздумывая, я зашагал туда. Тропа петляла между кор-

нями, ноги утопали в мягком мху, и каждый шаг отдавался хрустом сухих веток. Тишина стояла такая, что слышно было, как шуршат собственные штаны. Ни птиц, ни ветра — только моё дыхание и редкий стук сердца.

Город вырос из тумана внезапно.

Сначала показались ограды — невысокие, из тёсаного камня, кое-где обрушенные. Потом крыши — черепичные и дымные, приземистые дома, лепившиеся друг к другу. Запах дыма и конского навоза ударил в ноздри, и это было почти приятно после лесной прели. Я вышел на дорогу, укатанную телегами, и двинулся к первым постройкам.

И тут я его увидел.

Он стоял у обочины, под старой берёзой, и, казалось, ждал именно меня. Старик. Очень высокий — выше меня на голову. Длинная мантия из тёмной, почти чёрной ткани, с широкими рукавами. Капюшон надвинут глубоко, так что лица почти не разглядеть, только седую длинную бороду, спускавшуюся до пояса. Руки спрятаны — ни жестов, ни движения.

Я замедлил шаг. Что-то во всём его облике заставляло напрычься. Не угроза — скорее тяжесть, как перед грозой.

— Стой, — сказал он.

Голос оказался низким, густым, с хрипотцой, будто камни перетирали друг о друга. Он не кричал, но слово прозвучало отчётливо, перекрывая все лесные звуки.

Я остановился. Голод отступил на второй план, уступив место настороженности.

— Кто ты? — спросил старик. Капюшон чуть повернулся, и я понял, что под ним — внимательные глаза, хотя и не видел их.

— Не знаю, — ответил я честно. — Я... потерял память.

Старик молчал несколько мгновений. Потом сделал шаг вперёд — неслышно, будто не касался земли. От него пахло пылью и старой бумагой.

— Я чувствую в тебе силу, — проговорил он, и в голосе прорезалось что-то похожее на любопытство. — Необычную. Не обученную. Дикую. — Он помедлил. — Орден Шороха даёт приют таким, как ты. Пойдём со мной. Там ты узнаешь, кто ты есть на самом деле.

«Орден Шороха». Название щёлкнуло в голове, но не вызвало ни образа, ни воспоминания. Только смутное, почти животное нежелание связываться с этим человеком. Слишком он был правильный — и слишком тёмный.

— Нет, — сказал я. — Спасибо. Я сам.

Старик не обиделся. Не рассердился. Капюшон чуть склонился набок — будто он рассматривал меня, как букашку под стеклом.

— Предложение остаётся в силе, — произнёс он тем же тяжёлым голосом. — Если передумаешь — ищи Орден. Мы там, где шуршат тени.

Он развернулся и пошёл прочь — не в город, а в лес, и исчез между стволами так быстро, словно его и не было. Я постоял с минуту, вслушиваясь в тишину. Ни шороха, ни ша-

гов. Только ветер подул, качнув верхушки сосен.

Я выдохнул — и зашагал дальше, к городской околице.

Город назывался, как я позже узнал из обрывков разговоров, Вершинино. Небольшой уездный город Российской империи: кривые улочки, двухэтажные дома с тёмными стёклами, лавки, вывески. Народу немного — всё больше мужики в картузах, бабы в платках, изредка проедет телега с сеном. На стенах кое-где висели бумажные листы с гербом — двуглавый орёл и текст, гласивший что-то о рекрутском наборе. Я не стал вчитываться.

Главной моей целью была еда.

Нашёл таверну на окраине, возле конюшни. «Тихий берег» — гласила покосившаяся вывеска с нарисованной волной. Зашёл внутрь. В нос ударило запахом жареного лука, кислого пива и прогорклого масла. Внутри было сумрачно, несколько столов, за одним сидел мужик с нашитым на рукаве шевроном — похоже, солдат в увольнении. За стойкой — дородная баба в засаленном переднике.

— Чего надо? — спросила она, не поднимая головы, протирая кружку.

— Поесть, — сказал я. — Недорого.

Она окинула меня взглядом с ног до головы. Оценила сапоги, жилет, потом — пустой пояс.

— Серебро есть?

Я вытащил две серебряных монеты и положил на стойку. Баба вздохнула, забрала одну, вторую пододвинула обратно.

— На одну налью шей с мясом и хлеба краюху. За вторую — кружку сбитня. Хватит?

— Да.

Щи оказались горячими, наваристыми, с крупными кусками говядины. Хлеб — чёрствый, но съедобный. Я ел медленно, стараясь растянуть удовольствие, и чувствовал, как голод отступает, уступая место теплу в животе. Сбитень обжёг горло, пах мёдом и пряностями. После двух дней (или часов? я не знал) без еды это было лучшее, что я пробовал в своей жизни — если у меня вообще была жизнь до этого.

Солдат за соседним столом пьяно бормотал про войну: «...на два фронта, понимаешь? И финны эти, и османы... Швейцарец им помогает, гад... А нас, рекрутов, гонят, как собак...»

Я прислушался краем уха. Финляндское королевство. Османская империя. Швейцарцы, норвежцы. Российская империя воюет. Мне восемнадцать. Значит, скоро и меня могут забрить в солдаты. От этой мысли стало тоскливо, но почему-то не страшно. словно внутри сидел зверь, который не боялся драки.

Поев, я спросил у хозяйки, где можно переночевать.

— У меня комнаты наверху, — ответила она, вытирая стойку. — Но дёшево не будет. Серебра мало.

— А если золотым?

Она уставилась на меня. Я вытащил золотую монету, положил на стойку. Глаза у бабы загорелись.

— За это — три дня. И ужин завтрашний за мой счёт, — быстро сказала она, словно боялась, что я передумаю.

— Идёт.

Она проводила меня на второй этаж, в комнатуху с низким потолком, узкой кроватью, застеленной серым одеялом, и маленьким окошком, выходившим на конюшню. За окном уже смеркалось. Где-то лаяла собака, слышались голоса — пьяный спор, женский смех. Пахло сеном и мышами.

Я снял сапоги, положил их у двери. Жилет повесил на спинку единственного стула. Значок с именем достал из кармана и положил на подоконник. Игорь Крадов. Может быть, это имя что-то значило когда-то. Но сейчас оно было просто словом.

Лёг на кровать. Под потолком кружилась муха. Усталость навалилась сразу, как только голова коснулась подушки. Веки стали тяжёлыми.

Последнее, что я подумал перед тем, как провалиться в темноту: кто этот старик в мантии? И что за силу он во мне почувствовал?

Но ответа не было. Только сон — глухой, без снов, как чёрная вода.

Глава 2.

Утро началось не с солнца, а с крика петуха и лязга посуды внизу.

Я лежал на узкой кровати, глядя в потолок, и пытался пой-

мать обрывки сна. Что-то тёмное. Чей-то крик. И запах — железо и дым. Но стоило открыть глаза — всё исчезло, оставив лишь сухость во рту и тяжесть в затылке.

Я сел, потёр лицо ладонями. Значок с именем по-прежнему лежал на подоконнике. Игорь Крадов. Я взял его, повертел, сунул в карман штанов — пусть будет.

Спустился вниз. Хозяйка, та самая дородная баба, молча поставила передо мной миску с кашей и кружку кислого молока. Я съел всё до последней ложки, расплатился за вчерашний ужин (она взяла ещё одну серебряную монету — «за постой сверх уговора», хотя я снял на три дня) и вышел на улицу.

Вершинино поутру выглядело серым и унылым. Туман ещё не рассеялся, повиснув между домами липкими клочьями. Где-то звонил колокол — к заутрене, наверное. Но я пошёл не к церкви.

На углу главной улицы висела свежая афиша. Крупные буквы, герб с двуглавым орлом. Я остановился, прочитал.

> «ГОСУДАРЬ-ИМПЕРАТОР ПРИЗЫВАЕТ ОХОТНИКОВ.

> В СВЯЗИ С УГРОЗОЙ ДИВЕРСАНТОВ НА ПЕРЕДОВОЙ ФОРМИРУЮТСЯ ОХОТНИЧЬИ ОТРЯДЫ.

> КОРМЁЖКА, ЖАЛОВАНИЕ, КРЫША.

> ЗАПИСЬ У ВОЕННОГО ПРИСУТСТВИЯ.»

Кормёжка. Жалование. Крыша. Три слова, которые в моём положении звучали лучше любого пророчества. Денег оста-

валось — только одна серебряная монета. Идти некуда. Памяти нет. А впереди — война на два фронта, и если не сейчас, то через месяц-другой меня всё равно забреют в солдаты. Разница лишь в том, что добровольцам, говорят, поблажек больше.

Я не колебался ни секунды. Спросил у прохожего — мужика в картузе, нёсшего узелок с капустой, — где военное присутствие. Тот махнул рукой в сторону высокого здания с колоннами в конце улицы.

— Там. Только ты, паря, подумай. На передовую шлют. Там не то что финны — швейцарцы с норвегами объявились. Маги у них, сказывают...

— Подумал уже, — сказал я и зашагал к колоннам.

Военное присутствие оказалось двухэтажным особняком из красного кирпича. У входа — два часовых в шинелях, с ружьями наперевес. Один глянул на меня, сплюнул сквозь зуб.

— Ещё один, — сказал он напарнику. — Голодранец.

— Записывайся, — буркнул второй, кивнув на дверь.

Внутри пахло казёнщиной: мастикой для пола, потом, махоркой и чем-то кислым — можжевельником, что ли. Длинная очередь из мужиков разного возраста — от совсем зелёных, как я, до бородатых ветеранов с нашивками за выслугу. Я встал в конец. Ждать пришлось больше часа. Мужики переговаривались негромко:

— ...слышь, финны засекли кордон у Ладоги. Говорят, их

норвежцы поддержали с моря...

— А османы? Не слышно?

— Османы на юге жмут. Вот поэтому сейчас всех подряд гребут...

Я слушал краем уха, запоминая названия. Ладога. Финны. Норвежцы. Швейцарцы. Четыре врага, а империя одна. Невесёлая арифметика.

Наконец, дошла очередь до меня. За столом сидел капитан — сухой, с пронзительными глазами, с аккуратной сединой на висках. Перед ним — список, чернильница, гусиное перо. Слева от него — человек в гражданском, с нашивкой лекаря на рукаве. Но что-то в его взгляде было не так. Слишком пристальный. Словно он не смотрел на меня, а *читал*.

Менталист. Я почему-то сразу это понял. Вспомнил обрывки знаний, которых у меня не должно было быть: менталисты чувствуют эмоции, могут сбить концентрацию. Не сильные бойцы, но опасные в допросе.

— Имя? — спросил капитан, не поднимая головы.

— Игорь Крадов, — сказал я. И добавил, потому что правда всё равно вылезет наружу: — Памяти не помню. Очнулся вчера в лесу.

Капитан поднял глаза. Менталист подался вперёд, уперев локти в стол. Я почувствовал лёгкое давление на виски — будто кто-то мягко, но настойчиво пытался заглянуть мне в голову. Я скривился.

— Не надо, — сказал я. — Я и сам рассказал всё, что знаю.

Менталист откинулся на спинку стула. Его брови полезли вверх.

— Странный ты, — произнёс он негромко. — Барьер в сознании. Будто кто-то запечатал память намеренно. Не встречал такого раньше.

Капитан нахмурился, что-то черкнул в списке.

— Пойдёшь на передовую, — сказал он, не спрашивая. — В охотничий отряд. Там такие, как ты, нужны. — Он глянул на менталиста. — Проверь его на скрытую порчу.

Менталист подошёл, положил сухую горячую ладонь мне на лоб. Секунда — и он отдёрнул руку, как от огня.

— Не порча, — сказал он тихо, с ноткой удивления. — Что-то другое. Дремлет. Но я бы посоветовал... — он понизил голос почти до шёпота, — не доверяй тем, кто носит чёрные мантии. Они ищут таких, как ты. Я встречал их раньше. Не для добра.

Чёрные мантии. Орден Шороха. Я вспомнил старика у леса, его тяжёлый голос и запах полыни. Кивнул молча.

Капитан поставил галочку в списке и махнул рукой в сторону внутренней двери.

— Иди. Там тебе дадут обмундирование, накормят и направят к оружейнику. Выбери оружие. Завтра — марш на север.

Север. Финны и норвежцы. Холод, болота и магия врага.

Я прошёл в указанную дверь и оказался в большом зале с низкими сводами. Здесь уже было человек двадцать ново-

бранцев — кто примерял мундиры, кто перепоясывался портупьями. Мне выдали: серый суконный мундир с красными петлицами, штаны, сапоги на толстой подошве, ранец и флягу. Всё пахло новой тканью и древесной золой — от клопов, как пояснил рябой сержант, выдававший вещи.

— Оружие получишь у Гаврилы, — рябой ткнул пальцем в угол. Там, за верстаком, возился низкорослый коренастый мужик с прокопчённым лицом. Гаврила, оружейник.

Я подошёл. На верстаке лежали ружья, пистолеты, сабли, тесаки, штыки — и несколько пар кинжалов. Обычное армейское барахло. Я машинально провёл рукой по гладкой стали сабли. Не то. Тяжёлая. Неудобная. Ружья — тем более: я даже не знал, с какой стороны в них засыпают порох.

— Можешь взять что хочешь, — буркнул Гаврила, вытирая ветошью какой-то затвор. — На первое время. Дальше либо трофейное добудь, либо с неба упадёт.

Я оглядел верстак. Взгляд сам собой упал на два коротких кинжала, лежавших в дальнем конце. Лезвия — не длиннее ладони, чуть изогнутые, с обоюдоострой заточкой. Рукояти обмотаны потёртой кожей. Простые, без излишеств.

Я взял их в руки.

И мир изменился.

Не в прямом смысле, конечно. Но в тот момент, когда пальцы сомкнулись на рукоятях, я почувствовал... *правильность*. Будто эти кинжалы лежали в моей ладони всегда. Будто они были продолжением руки. Я сделал проб-

ный выпад правой, потом левой — клинки описали короткие дуги, возвращаясь в исходное положение с неестественной плавностью.

Но что-то было не так.

Я поднял левый кинжал к глазам, повертел в пальцах. Центр тяжести — чуть ближе к гарде, чем нужно. Правый, наоборот, перетягивал к острию. Оба — с лёгкой асимметрией, которая при резком движении заставила бы клинок вибрировать.

— Баланс хреновый, — сказал я вслух. — Левый в руке сидит лучше, но острие легковато. Правый — тяжеловат в конце. Если метать — будут уходить в сторону.

Гаврила перестал протирать затвор и уставился на меня. Сержант, проходивший мимо, тоже замедлил шаг.

— Ты, парень, — медленно проговорил оружейник, — откуда в оружии понимаешь? Ты же, вроде, память потерял.

Я замер. Он был прав. Откуда? Я не помнил ни одной школы, ни одного учителя. Но пальцы знали, как держать кинжалы. Глаза видели их недостатки. Тело помнило то, что голова забыла.

— Не знаю, — честно ответил я. — Просто... чувствую.

Гаврила хмыкнул, покачал головой и полез под верстак. Через минуту он вытащил два других кинжала — потемневшие, с царапинами на лезвиях, но явно сделанные умелым мастером.

— Эти бери. Охотничьи. Трофейные — с одного швей-

царца сняли, царствие ему небесное. Баланс там подогнан, сам проверь.

Я взял. И сразу понял — да. Правый и левый почти не отличались по весу. Центр тяжести — точно посередине клинка. Рукояти ложились в ладони, как влитые.

— Эти, — сказал я. — Беру эти.

Гаврила усмехнулся, показав редкие зубы.

— Ну смотри. Охотничий отряд — не пехота. Там кинжалы сгодятся. Только держись подальше от финских магов. Они с элементами дружат — такое закрутят, что ты и свои кинжалы не вспомнишь.

Я сунул кинжалы за пояс — там были предусмотрены кожаные петли для пары коротких клинков. Подошли как раз.

Вечером, после ужина (серой каши с комками и жидкого чая с мятой), нас построили во дворе. Капитан зачитал список — двадцать три человека, включая меня. Завтра на рассвете — обоз на север. Передовая. Финский фронт.

Я стоял в шеренге среди таких же оборванцев, крестьян и городских бедняков, и чувствовал, как тяжелеют петли с кинжалами на поясе. Внутри, где-то глубоко, дремало то, о чём говорил менталист. И то, что почувствовал старик в тёмной мантии.

Я не знал, кто я. Но мои руки знали, как убивать.

— Завтра выступаем, — сказал капитан. — Вольно. Идите спать.

Я пошёл в казарму — длинное помещение с нарами в два

яруса. Лёг на нижние, положив кинжалы под подушку. Рядом кто-то храпел, кто-то молился, кто-то тихо плакал — боялся.

Я не боялся. И это, пожалуй, пугало больше всего.

Глава 3.

Дорога на север оказалась длинной и унылой.

Обоз растянулся на полверсты — телеги с припасами, повозки с сеном, десятки пеших новобранцев в серых мундирах. Мы шли по просёлочной дороге, мимо полей, перелесков и редких деревень. Небо висело низкое, серое, и к вечеру первого дня пошёл мелкий противный дождь.

Я шагал в общей колонне, сапоги месили грязь, короткие мечи на поясе мерно постукивали о бедро. Вокруг — такие же, как я. Кто-то шутил, кто-то ругался, кто-то молча курил самодельные сигарки. А я думал.

Стоило ли оно того?

В городе, в таверне, с горячими щами и жёсткой кроватью было как-то... спокойнее. Я мог бы поискать работу. Мог бы попытаться узнать что-то о себе. Мог бы просто пересидеть, пока память не вернётся.

Но память не возвращалась. А деньги кончились бы. И тогда — либо попрошайничать, либо воровать, либо снова идти в ту же самую армию, но уже не добровольцем, а по принуждению.

— Эй, новенький! — окликнул меня рыжий парень с те-

легой. — Чего нос повесил? Первый раз на войну?

— Первый, — ответил я.

— А выглядишь так, будто уже всё видел. — Он сплюнул.
— Не бойсь. Финны, говорят, сами боятся. У них маги есть, но наши маги не хуже.

Я кивнул, не вступая в разговор.

Он не знал. Никто не знал. Что внутри меня — что-то, чего я сам не понимаю. Что какой-то старик в тёмной мантии уже пытался меня завербовать. Что менталист в вербовочном пункте сказал про «барьер в сознании».

Армия была не выбором. Армия была единственной дверью, которая передо мной открылась.

На третий день пути мы добрались.

Лагерь оказался маленьким. Человек на двести, не больше. Палатки из серой парусины, кое-где навесы из веток. Вокруг — чахлые сосны и болотистая земля, которая хлюпала под ногами. Пахло дымом, прелой листвой и чем-то кислым — может быть, близкой водой.

— Размещайтесь! — крикнул сержант, тот самый рябой, что выдавал нам обмундирование. — Палатки на десять человек, вон там. Завтра распределение по отрядам.

Я нашёл свободное место у дальнего костра, скинул ранец. Вокруг сустились люди, чистили сапоги, грели руки у огня. Кто-то уже достал краюху хлеба и вяленое мясо.

Я сидел и смотрел на огонь, когда его заметил.

Он стоял у края лагеря, спиной к сосне, и пристально

смотрел на меня. Невысокий, жилистый, в зелёной кожаной броне — не армейской, а явно дорогой, пошитой на заказ. Из-за спины торчала рукоять длинного меча — такого длинного, что его не вытащить в тесноте, только на открытом месте. Двуручник.

Он не носил армейского знака. Вместо этого на его груди была вышита маленькая вспышка — лучи, расходящиеся от точки.

Орден Вспышки.

Я вспомнил слова менталиста: *«Не доверяй тем, кто носит чёрные мантии»*. Но этот был в зелёном. Светлый.

Он подошёл. Бесшумно. Сел рядом, как будто мы были старыми знакомыми.

— Игорь Крадов, — сказал он тихо. Не вопрос. Утверждение.

— Откуда знаешь? — спросил я, положив ладонь на рукоять меча.

— Не дёргайся, — он усмехнулся. — Я не враг. Меня зовут Велемир. Я из Ордена Вспышки. И я знаю, кто ты.

Он оглянулся — быстро, по-звериному. Убедился, что никто не подслушивает.

— Мы не можем говорить здесь долго. Но ты должен знать. Пророчество... оно не такое простое, как говорят в армии.

Я молчал. Он продолжил, почти шёпотом:

— Знаешь, почему мы с Орденом Шороха воюем уже сто

лет? Потому что нас дурачат. Пророчество напугало всех — но оно же дало и ложный след. Появится много людей, похожих на избранных. Таких, как ты, — с двумя аспектами. Но не все они настоящие. Ты — настоящий. Я это вижу. И тёмные скоро тоже увидят.

— Откуда ты... — начал я.

— Не важно. — Он поднялся. — Будь осторожен. Шорох уже ищет тебя. А мы... мы будем рядом. Не всем из нас можно верить, Игорь. Но пророчество не врёт.

Он развернулся и ушёл так же бесшумно, как появился. Зелёная броня растворилась в сумерках между палатками.

Я остался сидеть у костра.

Дрова трещали. Кто-то за спиной затянул унылую песню про солдатскую долю. Я смотрел на огонь и пытался переварить услышанное.

Ложные избранные. Я — настоящий. Орден Шороха уже ищет.

— Что за чушь? — прошептал я в пустоту.

И тут внутри меня что-то шевельнулось.

Не боль. Не страх. Что-то другое. Будто кто-то спал голбоко внутри и начал просыпаться.

Голос. Тихий, мягкий, как шелест листвы.

«Он сказал не всё. Орден Шороха не просто хочет усилить тёмных магов. Они похищают избранных. Вливают зелье насильно. Ты станешь тенью. Навсегда. Не дай им схватить тебя».

Я замер. Руки похолодели. Я узнал этот голос — он был моим, но не моим. Будто часть меня, о которой я не знал, вдруг заговорила.

И сразу — второй.

Холодный. Твёрдый. С насмешкой.

«Врёт. Орден Вспышки не лучше. Они хотят то же самое — просто притворяются добрыми. Этот Велемир сказал тебе только то, что выгодно им. А этот "голос"... ты уверен, что он вообще светлый?»

Тишина. Оба замолчали, как будто их никогда и не было.

Я сидел, глядя на огонь, и чувствовал, как внутри меня только что открылась дверь, которую я не просил открывать.

Кто прав? Светлый голос? Тёмный? А может, оба?

Или никто?

Ветер донёс запах гари и болотной сырости. Где-то на краю лагеря заржала лошадь.

Я достал один из коротких мечей, провёл пальцем по лезвию. Холодный металл не дал ответа.

Глава 4.

Утром лагерь гудел как растревоженный улей.

— Ударный отряд! — кричал рябой сержант, шагая вдоль шеренги. — Семеро. Добровольцы. Остальные — в охранение и обоз.

Я стоял ровно, сцепив руки за спиной. Внутри всё сжалось. Вчерашние голоса ещё звучали в голове, но тихо, как

эхо. Светлый шептал что-то неразборчивое, тёмный молчал. Или притворялся.

— Крадов! — сержант ткнул в меня пальцем. — Ты в ударный. С оружием обращаться умеешь, я видел.

Я кивнул. Рядом назвали ещё шестерых. Рыжий парень из обоза — его звали Федька. Двое крепких мужиков лет за тридцать, похожих на бывших охотников. Сутулый молчаливый лучник. И двое совсем зелёных, младше меня.

— Ваша задача, — сержант развернул самодельную карту на пеньке, — вот здесь, в трёх верстах к западу, финны поставили малый лагерь. Человек пятнадцать. Разведчики и пара магов-элементалистов. Вы их выбиваете. Ждёте смену. Возвращаетесь.

— А если маги? — спросил один из охотников.

— Магов наших вам не дадут. Справляйтесь подручными средствами. — Сержант усмехнулся. — Или не возвращайтесь.

Никто не засмеялся.

Через час мы вышли. Лес встретил тишиной. Сосны стояли серые, замшелые, земля под ногами пружинила — мох, корни, прошлогодняя хвоя. Федька шёл впереди, я — замыкающим. Мечи висели на поясе, готовые к рывку.

«Ты боишься» — прошептал светлый голос. Не вопрос. Утверждение.

«Да» — мысленно ответил я.

«Правильно. Страх помогает не умереть» . Это был тём-

ный. Холодный, спокойный, почти равнодушный.

Я не ответил.

Лагерь финнов нашли к полудню. Три шатра из грубой кожи, кострище, навес для дров. Люди — в серо-зелёных куртках, с короткими копьями и топорами. Четверо стояли в дозоре, остальные сидели у костра, ели, переговаривались на гортанном языке.

— Двое дозорных справа, двое слева, — прошептал старший охотник. — Мы берём крайних. Остальные — по обстоятельствам. Без шума.

Он посмотрел на меня.

— Ты новенький. Докажи, что тебя не зря взяли.

Я кивнул, вытащил мечи. Пальцы легли на рукояти привычно, как будто я делал это тысячу раз.

Дальше было быстро.

Охотник бесшумно снял первого дозорного — ножом. Федька — второго. Я метнулся к левому краю. Финн обернулся, открыл рот, но я уже был рядом. Не лезвием — плашмя. Удар рукоятью в висок. Тело мешком осело в мох.

«Мог бы убить» — заметил тёмный голос. Без осуждения. Просто констатировал.

«Не нужно» — ответил светлый. *«Он не враг. Он солдат, как ты»*.

«Солдат, который убьёт тебя, если проснётся» — парировал тёмный.

Я отбросил мысли. Следующий дозорный уже заметил

движение, тянул копьё. Я нырнул под древко, второй меч — рукоятью в живот, потом в затылок, пока падал. Двое. Живы. Без сознания.

Из шатров уже выбегали остальные. Крики, звон металла, топот.

Дальше — каша. Я не помнил себя. Тело двигалось само, уклонялось, било, крушило. Рукоять, ребро ладони, снова рукоять. Не убивать. Не убивать. Светлый голос подбадривал, тёмный злился.

**«Ты их жалеешь? Они не пожалеют тебя».*

**«Замолчи»*.*

Финн с топором замахнулся, я перехватил его руку, крутанул, удар рукоятью в челюсть — зубы хрустнули, он отключился. Рядом Федька добивал копьём — не насмерть, в плечо, чтобы обездвижить. Охотники работали жёстче, но тоже старались не резать — пленные нужны.

Всё кончилось через пять минут. Может, через десять. Я стоял посреди развороченного лагеря, тяжело дыша, с мечами в руках. Кровь на рукоятях — чужая? Моя? Проверил. Чужая.

Пятнадцать финнов. Восемь без сознания, четверо ранены, трое сдались. Ни одного убитого с нашей стороны. И ни одного — с их, если не считать тех, кого зарубили охотники в начале.

— Неплохо, новенький, — сказал старший охотник, вытирая нож. — Глаза у тебя... странные. Будто звериные. Но

дрался хорошо.

Я опустил мечи. Только сейчас заметил, что пальцы дрожат.

«Ты справился» — тихо сказал светлый голос.

«Ты был слаб» — отозвался тёмный. *«Ты мог убить всех. И был бы прав»*.

Я не стал спорить.

К вечеру пришла смена — десяток солдат с двумя менталистами для допроса пленных. Мы передали лагерь, пересчитали своих. Все живы. У Федьки царапина на руке, у одного из охотников — рассечённая бровь. И всё.

— Крадов, — окликнул меня рябой сержант, когда мы вернулись. Он стоял у большого шатра — не палатки, а настоящего командирского шатра из плотной парусины. — Слышал, ты там отличился. И никого не зарезал, хотя мог.

Я молчал.

— Такие нам нужны. — Он кивнул на шатёр. — Иди, выспись. Вон та палатка — для ударников. С нормальной подстилкой и печкой. Заслужил.

Я не поверил сначала. Потом зашёл внутрь. Тепло, сухо, пахнет хвоей и старой кожей. Три лежака, один свободный. Я скинул мечи, снял мундир, упал на подстилку.

Глаза закрылись сами.

«Ты сегодня не убил ни одного человека» — прошептал светлый голос почти ласково.

«Ты пожалеешь об этом» — ответил тёмный.

Я не знал, кто прав. Но уснул раньше, чем они успели снова заспорить.

Глава 5.

После той вылазки я стал спать лучше. Не потому, что привык к войне. Просто усталость брала своё — тело выключалось, едва голова касалась подстилки.

Но в тот день спать не хотелось.

Лагерь гудел ровно, как улей. Солдаты чистили оружие, чинили одежду, спорили о том, когда империя наконец соберёт большое наступление. Я сидел у своей палатки, смотрел на лес и чувствовал, что меня тянет туда.

Не голоса. Что-то другое. Зверь внутри потягивался, как после долгой спячки.

— Я прогуляюсь, — сказал я Федьке, который чинил ремень рядом.

— Не уходи далеко, — буркнул он. — Финны шныряют.

Я кивнул и шагнул за ограду.

Лес встретил прохладой. Сосны стояли плотно, почти не пропуская ветер. Я шёл не разбирая дороги, просто подальше от людей, от дыма, от разговоров. Тишина давила на уши. Где-то крикнула птица. Где-то хрустнула ветка.

Я остановился.

Потому что услышал голоса.

Не свои — чужие. Один низкий, хриплый. Второй — знакомый. Велемир.

Я пригнулся, бесшумно шагнул за ствол сосны и выглянул.

Поляна. Небольшая, заросшая папоротником. И двое.

Велемир стоял над оборванцем. Тот лежал на земле, в грязной рубаше, с поджатыми коленями — маленький, жалкий, дрожащий. Велемир держал его за горло одной рукой. В другой — маленькая стеклянная склянка. Жидкость внутри светилась белым, как молоко на солнце.

— Пей, — сказал Велемир. Голос спокойный, почти ласковый. — Это не больно.

Оборванец замотал головой. Всклипнул.

— Пей, кому сказали.

Велемир разжал ему челюсть, влил зелье. Оборванец дёрнулся, захрипел — и тут же закричал.

Нечеловеческим криком.

Я вжался в ствол. Из груди оборванца вырвались белые лучи — яркие, слепящие, они разрывали его изнутри. Кожа треснула, как пергамент. Тело дёрнулось в последний раз — и исчезло. Растаяло в воздухе, оставив только вмятину во мху.

Я замер. Дышать стало нечем.

— Чёрт, — выругался Велемир, вытирая руку о штаны. — Этот тоже ложный. Третий за месяц.

— Неудачник.

Голос пришёл с другой стороны поляны. Человек в чёрной мантии — как тот старик в лесу, но моложе. Он стоял,

опершись на ствол, и усмехался. Глаза блестели из-под капюшона.

— Ты, — Велемир повернулся. Пальцы сжали рукоять двуручника за спиной. — Следил?

— Наслаждался представлением. — Тёмный шагнул вперёд. — Твои светлые ритуалы такие... зрелищные.

Велемир не ответил. Меч вылетел из-за спины — длинный, тяжёлый, с рукоятью на две ладони. Он крутанул его, как игрушку.

Тёмный вытащил два кинжала — коротких, изогнутых. Блеснули в сумерках.

— Ты и сам скоро станешь ложным, — сказал он и прыгнул.

Бой был быстрым. Тёмный оказался быстрее — он кружил вокруг Велемира, как волк, уклонялся от тяжёлых ударов, раз за разом доставал кинжалами. Велемир держался, но с каждым движением уставал.

— Ты слабеешь, светлый, — прошипел тёмный.

— А ты болтлив.

Велемир рубанул с плеча. Тёмный ушёл в сторону, но не до конца — лезвие полоснуло по руке. Чёрная мантия намочла. Но тёмный не остановился. Он нырнул под меч, ударил кинжалом в бок. Велемир охнул, отшатнулся, упал на колено.

— Уходи, — сказал тёмный, не добивая. — Передай своим — этот избранный наш.

И ушёл. Хромая, держась за раненую руку, но ушёл.

Велемир поднялся, сплюнул кровь и пошёл в сторону лагерь, волоча двуручник по земле.

Тишина.

Я стоял за сосной и пытался дышать. Только что светлый маг — тот, кого я считал если не другом, то хотя бы союзником — скормил зелье человеку. А человек исчез. Лопнул как мыльный пузырь.

И тут тёмный сказал, словно видел меня сквозь деревья:

— Выходи. Я знаю, что ты здесь. Не бойся, я не трону. Выходи и выпей зелье. Оно тёмное. Оно даст тебе силу. Не то что у этого неудачника.

Я не шелохнулся.

— Выходи, — повторил он. — Ты избранный. Я чувствую. Не будь дураком. Светлые тебя просто используют. Мы дадим тебе настоящую силу.

Я шагнул из-за дерева. Но не к нему. В сторону.

— Нет, — сказал я.

Тёмный вздохнул.

— Жаль.

Он бросился на меня быстрее, чем я ожидал.

Я едва успел выхватить мечи. Первый удар — кинжал скрежетнул по лезвию, искры в темноту. Второй — я отбил, третий — ушёл в сторону.

Он был ранен. Кровь сочилась из руки, капала на мох. Но дрался так, будто не чувствовал боли.

— Ты не уйдёшь, — сказал он, наседая. — Ты слишком важен.

Я не отвечал. Мечи работали сами — блок, укол, уход. Но он был сильнее. Опытнее. Он чувствовал мои движения за секунду до того, как я их делал.

Первый меч я метнул. Безнадёжно, наобум — просто чтобы он отвлёкся. Тёмный ушёл в сторону, лезвие просвистело мимо. Но я выиграл мгновение.

Второй меч он выбил сам. Удар кинжалом по рукояти — клинок вылетел из пальцев, упал в папоротник. Я остался с голыми руками.

— Всё, — сказал тёмный, заноса кинжал. — Будешь пить по-хорошему или...

Он не договорил.

Потому что мир перевернулся.

Я не понял, что произошло. В один миг я стоял с пустыми руками, в другой миг внутри меня что-то щёлкнуло. Тьма вокруг стала светлой — я видел каждую ветку, каждую иголку на соснах, каждую каплю крови на руке тёмного. Я слышал его сердце — бух-бух-бух, часто, как у загнанного зайца. И пахло от него страхом и железом.

Когти. Длинные, острые, выросли из пальцев, разорвав перчатки. Я не узнал свою руку.

Тёмный охнул и попятился. Поздно.

Я прыгнул. Не как человек — как зверь. Когти вспороли его живот — не глубоко, ровно настолько, чтобы он согнул-

ся. Он выронил кинжал, схватился за рану, хрипя. Я ударил локтем в висок — сильно, сухо. Тёмный рухнул на колени, потом ничком.

Затих.

Я стоял над ним, тяжело дыша, с когтями, в темноте, которую теперь видел как днём.

И только тогда голоса проснулись.

«Ты убил его?» — светлый. Испуганный.

«Нет. Только вырубил» — тёмный. Спокойный, почти довольный. *«Но мог бы. И был бы прав»*.

Я опустил руки. Когти медленно втянулись обратно, оставив на пальцах тонкие красные полосы.

Я поднял свои мечи. Нашёл один в папоротнике, второй — в кустах. Вложил в ножны. Посмотрел на тело тёмного. Он дышал. Жив.

— Прости, — сказал я ему. Зачем — не знаю.

И пошёл обратно в лагерь. Шатаясь, как пьяный. С кровавыми следами на перчатках.

Никто ничего не спросил.

Глава 6.

Я вернулся в лагерь затемно.

Костры догорали, солдаты уже разошлись по палаткам. Часовой у входа лениво кивнул — свои, проходи. Никто не спросил, где я был. Никто не посмотрел на мои руки.

Перчатки я снял ещё на опушке. Когти втянулись почти

сразу, но на пальцах остались тонкие красные полосы — следы, будто от царапин. Я сунул руки в карманы и прошёл к своей палатке. Федька уже спал, свернувшись калачиком на подстилке. Второй сосед, молчаливый лучник, сидел у входа, точил стрелу и не поднял головы.

Я лёг, закрыл глаза, а перед ними всё стояло то, что случилось в лесу.

Велемир. Зелье. Оборванец, который лопнул, как гнилой арбуз, и белый свет, вырывавшийся из его груди. А потом тёмный маг — быстрый, опасный, с этими изогнутыми кинжалами. И мой рывок. Когти. Кровь.

Я посмотрел на свои пальцы. Обычные. Человеческие. Но я помнил, как они *изменились*.

«Ты боишься себя» — прошептал светлый голос. Впервые он звучал не мягко, а встревоженно.

«Я не знаю, кто я» — мысленно ответил я.

«Ты тот, кого мы сделаем» — холодно отрезал тёмный. *«Сильным. Свободным. Никому не подчинённым»*.

«Замолчите оба».

Они замолчали. Но я знал — ненадолго.

Я лежал и смотрел в брезентовый потолок палатки. Сквозь ткань пробивался слабый свет луны. Где-то за стенкой храпели, кто-то кашлял во сне. Обычный лагерь. Обычные люди. А я... я только что впервые превратился не до конца, но достаточно, чтобы понять — внутри меня живёт зверь. И он не спрашивает разрешения.

Потом я вспомнил Велемира.

Он стоял над тем оборванцем, держал его за горло и вливал зелье. Спокойно. Почти ласково. Словно делал доброе дело. А когда человек разорвался на белые лучи, Велемир выругался только потому, что тот оказался «ложным».

«Неудачник» — сказал тогда тёмный.

Но Велемир не спорил. Он не сказал: «Я не хотел его убивать». Не сказал: «Мне жаль». Он просто стёр руку о штаны и ушёл.

Орден Вспышки. Светлые маги.

Я думал, они союзники. Велемир пришёл, рассказал про пророчество, предупредил про Орден Шороха. Я почти поверил. А теперь...

«Они не лучше» — сказал тёмный голос. Без насмешки. Просто факт.

«Возможно, ты прав» — ответил я.

Светлый молчал.

Значит, мне нельзя доверять ни тем, ни другим. Орден Шороха хочет напоить меня тёмным зельем — насильно, если понадобится. Орден Вспышки — светлым. И те, и другие убьют любого, кто встанет на пути.

А я — просто фигура на их доске. Пешка, которую хотят превратить в ферзя. Только своего. Для каждого ордена — своего.

Я перевернулся на бок. Под подушкой лежали мечи. Я положил ладонь на рукоять — холодный металл немного успо-

каивал.

«Что мне делать?» — спросил я у голосов. Ни один не ответил.

Утром Федька спросил:

— Ты чего такой бледный? Опять не спал?

— Спал, — сказал я. — Плохо.

— Это от страха, — усмехнулся он. — Первое время все боятся. Пройдёт.

Я не стал спорить.

Мы пошли завтракать — каша с салом и кружка травяного отвара. На общем костре уже толпились солдаты. Кто-то смеялся, кто-то ругался. И среди них — Велемир. Он сидел на бревне, перевязывал рану на боку — там, где тёмный достал его кинжалом. Увидел меня, кивнул. Обычно. Дружелюбно.

— Крадов, — сказал он. — Хорошо выглядишь.

— Вы тоже, — ответил я.

Он усмехнулся и вернулся к перевязке.

Я сел к костру, взял миску, но есть не мог. Каждый раз, когда я смотрел на Велемира, я видел не его, а того оборванца, который разлетелся белыми лучами. И белые перчатки Велемира, которые он потом вытер о штаны.

«Не показывай, что знаешь» — посоветовал тёмный голос.

«Он опасен» — добавил светлый. Впервые они сказали одно и то же.

Я кивнул, ни к кому не обращаясь, и принялся за кашу.

Весь день я думал о побеге. Не потому, что боялся финнов. А потому, что понял: здесь, в этом лагере, среди своих, я в большей опасности, чем на передовой. Вспышка и Шорох — две руки одной твари. И обе тянутся ко мне.

Но куда бежать? В империю, где оба ордена имеют власть? В лес, к диким зверям? Или...

«Тёмные когти» — всплыло в памяти название. Орден оборотней. Нейтралы. Если их не трогать, они не влезают.

А если я сам приду?

Я не знал, где их искать. Не знал, примут ли. Не знал даже, существуют ли они на самом деле, а не просто в слухах.

Но это был единственный путь, где меня, возможно, не попытаются напоить зельем насильно.

Вечером, когда лагерь затих, я вышел из палатки. Луна висела низко, жёлтая, как старый зуб. Я отошёл к ограде, упёрся руками в бревно.

Пальцы дрожали.

Я захотел — и когти вышли снова. Тихий, почти неслышимый хруст. Пять лезвий на каждой руке, блестящие в лунном свете.

— Получается, — прошептал я.

«Да» — сказал тёмный голос. *«Ты учишься»*.

«Не злоупотребляй» — предупредил светлый. *«Кто много раз оборачивается, тот забывает, кем был человеком»*.

Я убрал когти. Спрятал руки в карманы и пошёл обратно в палатку.

Спать. Завтра будет новый день. И новый выбор.

А пока — никто ничего не заметил. Ни Велемир, ни Федька, ни часовые.

Я пока в безопасности. Но надолго ли?

Глава 7.

— Ты должен выпить его, Крадов.

Велемир стоял надо мной, заслоняя утреннее солнце. Зелёная броня блестела от росы, двуручник торчал за спиной, как чёрная планка. В руке — знакомая склянка. Белая жидкость внутри переливалась, словно живая.

— Я уже говорил: нет, — ответил я, не вставая с бревна.

— Тогда я говорю снова. — Велемир присел на корточки, понизил голос. — Нам предстоит опасное дело. Очень опасное. Светлое зелье усилит тебя. Ты сможешь защитить себя и товарищей.

— Или лопну, как тот оборванец в лесу.

Велемир замер.

Глаза сузились. Он понял, что я видел. Не спросил, когда и где. Прощедил сквозь зубы:

— Тот был ложным. Ты — настоящий. С тобой такого не случится.

— Откуда такая уверенность?

— Потому что я знаю. — Он поднялся, сунул склянку в

поясную сумку. — Пророчество не врёт. Ты нужен нам живым и сильным. Не будь дураком.

Он ушёл. Я остался сидеть, глядя ему в спину.

«Он боится» — заметил тёмный голос.

«За себя. Не за тебя» — добавил светлый. Впервые с горечью.

Я не ответил.

Через час нас подняли по тревоге.

— Погрузка на корабли! — кричал сержант, бегая между палатками. — Полный комплект, сухой паёк на три дня, оружие при себе!

— Куда? — спросил кто-то.

— Не твоего ума дело. Шевелись!

Внутри похолодело. Корабли значили одно: мы идём в глубокий рейд. Не просто вылазка в лес — настоящая операция на вражеской территории.

Я собрал ранец, проверил мечи. Оба на месте, лезвия наточены. Пальцы легли на рукояти — и не хотели отпускать.

Федька подошёл сбоку, тихо спросил:

— Боишься?

— Нет, — сказал я. — Не знаю.

— Я тоже, — признался он. — Но вместе как-то легче.

Я кивнул.

Нас построили на берегу. Три корабля — длинные, узкие, с высокими носами, украшенными резными головами драконов. Паруса уже подняты, на мачтах полощутся имперские

стяги с двуглавым орлом.

— Задание простое, — объявил командир, сухой капитан с сединой на висках. — Высаживаетесь в бухте за финским городом. Идёте в обход, уничтожаете малый гарнизон. Ждёте сигнала. Корабли вас заберут.

— А если не заберут? — спросил кто-то из задних рядов. Капитан не ответил.

Мы поднялись по трапам. Палуба пахла смолой, рыбой и морем. Я встал у борта, сжав поручни. Волны били в днище, брызги летели в лицо. Берег медленно отдалялся, превращаясь в тонкую полосу.

Федька стоял рядом, перебирал стрелы. Нас было около тридцати — ударный отряд, лучники, пара менталистов для допросов. И Велемир. Он держался в стороне, но я чувствовал его взгляд на затылке.

Ветер наполнил паруса. Корабли пошли быстрее.

Море оказалось огромным. Не таким, как на картинках — серым, холодным, с тяжёлыми волнами, которые поднимали и опускали судно, как щепку. Чайки кричали где-то высоко. Горизонт тонул в дымке.

Я смотрел на воду и думал. О Велемире. О склянке. О том, что он не отстанет. Рано или поздно он попытается влить в меня это зелье силой.

«Не дай ему» — сказал тёмный голос.

«Может, он прав?» — усомнился светлый. Впервые усомнился по-настоящему.

«Никто не прав» — ответил я обоим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.